

«Болтовня» как речевой дискурс в русской литературе (от Пушкина до Чехова)¹

«Болтовня», разновидность стихийной неструктурированной речи (в ней как будто проговаривается все, что случайно приходит в голову), по видимости противопоставлена художественному произведению, которое предназначено оформлять выношенные в авторском опыте концепции жизни. Такое представление, однако, не всегда соответствует реальности. Подобный тип речи активно используется в классической литературе. Пушкин, как известно, именовал роман «Евгений Онегин» «болтовней», имея в виду неопределенность своих художественных задач, отсутствие в произведении строгого плана. Смысл обращения Пушкина к «болтовне» состоял в комментировании неподвижной позиции героя, пребывающего в состоянии разочарования и скуки, движением «живой жизни»,

многообразие возможностей которой недоступно персонажу, но открыто и наполнено позитивным смыслом для автора.

В последующем развитии русской литературы «болтовня» как тип речи соотносится уже не с потоком переменчивой и непредсказуемой жизни, а с закрытостью психики человека (аутиста по своей природе), стремящегося отождествить с реальностью собственный внутренний мир и свои субъективные влечения. Так, для персонажа Тургенева характерно острое, напряженное переживание сверхценностей (идеалов), что приводит к подмене настоящей жизни иступленно-болезненным, но прекрасным по исполнению говорением. «Существование в слове» как способ вытеснения практической деятельности – важная особенность тургеневской правды о русской жизни и русском человеке.

В творчестве Достоевского эта тенденция доводится до последней черты. Последовательно разрывающий всякие отношения с миром персонаж Достоевского обречен на пребывание в «подполье», в тисках своей телесности и своей шизофренической психики. Единственное назначение «умного человека», как полагает герой, состоит в «болтовне», то есть «умышленном пересыпании из пустого в порожнее». Персонаж Достоевского, вынужденный ограничить жизнь «усиленным сознанием» и вытекающей из него хаотической речью, наблюдает на собственном примере распад и уничтожение личного «Я», убеждается в невозможности посредством слова объективно подтвердить свое существование.

«Болтовня» персонажей Чехова, будучи пародией на речь-коммуникацию, характеризуется избыточностью информации (что придает содержанию качество расплывчатости и неопределенности), наличием «темных мест», намекающих на непроявленность смысла... «Болтовня» служит для того, чтобы прятаться от жизни в слова либо искусственно возбуждать себя словами, создавая иллюзию деятельности. «Болтовня» предстает также инструментом перевода прежде живого смысла в категорию мертвого. Если в мире Пушкина жизнь в ее вечной изменчивости потенциально могла спасти, то у Чехова жизнь предстает пространством хаоса, бессмыслицы, вечного несовпадения людей. Порча жизни предопределяет неполноценность человека, выражающуюся в неполноценности его речи. Или возможна обратная связь: порча языка ведет к изменению и распаду жизни. И реальность, и языковой инструментарий у Чехова поставлены под знак вопроса.

В докладе рассматриваются не только приемы создания «речи – болтовни», но и связь языковых парадигм с общими тенденциями моделирования художественных миров: у Пушкина – востребованность «постмодернистской» парадигмы (задолго до возникновения «исторического» постмодернизма); у Достоевского и Чехова – предощущение художественных практик XX столетия (автоматического письма, сюрреализма, экспрессионизма и абсурда).

---

¹ Также см.: *Ельницкая Л.* «Болтовня» как речевой дискурс у Пушкина и Достоевского // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 126–136.